

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕВЕРНОГО ГОРОДА: ОТ ИГНОРИРОВАНИЯ К ПРИЗНАНИЮ*

Данная статья посвящена изучению трансформации социальных отношений и оценке социального потенциала территории в связи с изменениями социальной политики, переходу от распределительной политики к избирательной (либеральной) в условиях рыночной экономики. В фокусе внимания автора депрессивный северный город с достаточно высокими запасами природных ресурсов и нереализованными возможностями диверсификации производства. На материалах кейс-стади доказывается, что современный российский рынок усилил потребительский способ освоения природных и трудовых ресурсов северной территории, что привело к деформации социальных отношений сообщества и формированию таких практик взаимодействия, которые способствуют процессам эксклюзии.

Ключевые слова: режим социального исключения, моногород, жизненные стратегии населения, бедность, практики взаимопомощи, солидарность, государственная политика, советское государство, Инта.

Введение

Интерес мирового сообщества к Северу определен его геополитическим положением и наличием богатых природных ресурсов. Перспективы экономического развития северных городов современной России требуют изменения отношения государства и экономических субъектов к северной территории, привлекательной в настоящее время лишь как место извлечения максимальной прибыли при минимальных затратах на природоохранные мероприятия и вложения в развитие городов и человеческий капитал. Изучение трансформации социальных отношений обусловлено рядом негативных общественных процес-

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект «Социальный потенциал Российского Севера: сети, доверие и практики взаимопомощи» №12-У-7-100 (2012–2014).

Автор выражает благодарность за дружеское участие и поддержку в реализации данного проекта, за критические замечания и ценные комментарии в написании статьи С. Ярошенко.

Лыткина Татьяна Степановна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (tlytkina@yandex.ru)

Lytkina Tatiana Stepanovna — Candidate of Science (Sociology), Senior Researcher, Laboratory of Demographic and Social Management, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Republic, Science Centre, Ural Branch of the RAS; Syktyvkar (Russia) (tlytkina@yandex.ru)

сов, тормозящих экономическое развитие территории, признаками которых являются: высокий уровень неравенства, низкий уровень доверия в обществе, растущая дистанция между разными социальными группами, рост коррупции и т. д. Особую практическую значимость для устойчивого развития регионов (территорий) приобретают вопросы формирования общественного устройства, соответствующего текущему уровню развития, согласующего экономические и общественные интересы, что, в свою очередь, усиливает актуальность проблематики эффективного использования имеющегося социального потенциала в качестве различных форм социального взаимодействия, способствующих активизации человеческих ресурсов.

**Методология и теоретические рамки исследования:
от советского коллективизма к сотрудничеству и солидарности**

Предлагаемое исследование проведено в традициях качественной методологии с использованием стратегии кейс-стади (развернутого монографического исследования) и является логическим продолжением изучения изменений условий жизни людей, проживающих на Севере, после распада Советского Союза (Burawoy, Krotov, Lytkina 2002; Лыткина 2008а; 2014). Основными методами исследования были: анализ статистических данных, включенное наблюдение, глубинные полуструктурированные интервью с экспертами и в семьях жителей изучаемой локальности (муниципального образования). В ходе интервью задавались вопросы о современных проблемах местного сообщества и способах их решения. Особое внимание уделялось практикам взаимопомощи, сотрудничества и солидарности между людьми, что позволило выявить основания и специфику взаимодействия, определить их роль в повседневной жизни и раскрыть потребность людей в социальных связях. Сами респонденты спровоцировали тему идентификации, связанную с изменением социального статуса, рефлексией «советского прошлого» и современной ситуацией в северных городах в целом. Это не удивительно, учитывая динамику исторического развития и существенного влияния государственной политики на промышленное освоение территорий России, в том числе на Республику Коми.

С распадом СССР промышленность Коми пережила глубокий экономический кризис. На 01.01.2013 г. в республике, в составе которой пять городских округов и 15 муниципальных районов, проживало 880,6 тыс. чел., что на 22 % ниже, чем в 1990 г. Рыночные реформы усилили экспортно-сырьевую ориентацию региональной экономики. События 1990-х гг. показали, что падение мировых цен на природные ресурсы откликается кризисом социальных программ, шоком бюджетной сферы республики, ростом социальной напряженности, обострением экономического кризиса (Кротов 1998). Экономическое развитие осложняет тот факт, что 90 % предприятий зарегистрированы за пределами республики (Стыров 2012) и не заинтересованы в развитии территорий производственной деятельности. С 2010 г. отменены налоговые отчисления в региональный бюджет от налога на добычу полезных ископаемых. Инвестиционные приоритеты федеральных властей носят в основном политический характер, а интересы крупного бизнеса сконцентрированы в проектах по добыче и транс-

портировке нефти (Зубаревич 2010). Если в первом случае республика выпадает из системы распределения бюджетных средств Российской Федерации, то во втором — усиливает ресурсную зависимость, не имея возможностей создавать альтернативные способы решения проблем территории. Система экономических отношений на уровне центр-регион представляет собой аналогичные торги, которые были характерны для советских предприятий (Лыткина 2008б). Несмотря на то, что на общем фоне регионов республика выглядит вполне благополучной, нельзя не отметить резкую дифференциацию муниципалитетов (Колечков 2014) и снижающуюся демографическую массу и трудовой потенциал (Фаузер 2011; Фаузер 2013; Попова, Терентьева 2013).

Первоначально предполагалось провести исследование в трех самых северных городах республики: Воркуте, Усинске, Инте. Все три города образованы в результате масштабной индустриализации плановой экономики. В настоящее время они располагают различными перспективами экономического развития, что дает возможность проведения сравнительного анализа всех трех городов с целью изучения взаимосвязи между экономическим успехом территории и уровнем сплоченности населения, его способности совместного решения проблем. В настоящее время в фокусе анализа 39 полуструктурированных глубинных интервью с жителями г. Инта и десять интервью с экспертами, преимущественно с представителями органов власти, проведенные в 2013 г.

В работе разрабатывается концепция «социального потенциала» территории, подразумевающая социальные отношения, характеризующиеся согласованностью интересов, идеалов / моральных принципов различных социальных групп с возможностями их реализации в локальности без ущерба экономической эффективности развития территории.

Теоретические рассуждения строятся на идеях К. Поланьи, доказавшего утопичность саморегулирующегося рынка и разрыв социальных отношений, механизм безжалостного подчинения социальной сущности человека рынку, выстроенного на законах цены, спроса и предложения (Поланьи 2002). К. Поланьи пытается показать важность обуздания эгоизма и воспроизводства нерыночных характеристик у населения, что могло бы подчинить экономику человеческому сообществу. Идеи К. Поланьи, высказанные в данной работе, получили дальнейшее развитие: были показаны две противоборствующие силы: рынок, разрушающий социальные связи, и сущность человека, стремящаяся сохранить их.

Переход страны к рынку расколол российское общество, привел к созданию множества социальных позиций, которые в процессе деятельности (в борьбе за ресурсы) вынуждены кооперироваться в замкнутые социальные группы. Сегодня российское общество представляет собой совокупность замкнутых, слабо взаимодействующих друг с другом социальных групп, разрыв (социальная дистанция) между которыми только увеличивается вместе с уровнем недоверия и социокультурной нечувствительности к другому.

Мы пытаемся доказать, что население в условиях ограниченных возможностей, утратив самодостаточность и приобретя опыт неудач, выстраивает защитные жизненные стратегии и практики социального взаимодействия,

не только не способствующие развитию территории, но и противоречащие ценностям индивидуализма, свободы и демократии, т. е. выбору, ради которого и был осуществлен переход страны к рынку. Формирующие практики социального взаимодействия не способствуют защите интересов жителей локальности, а, напротив, содействуют дальнейшей эксплуатации природных и человеческих ресурсов. Прежде чем перейти к анализу практик взаимодействия, представим сравнительную оценку советского прошлого и современной ситуации, данную самими респондентами — жителями города. Она позволяет выявить противоречие между провозглашаемыми ценностями рынка и широко распространенной критикой скептицизма по отношению к социалистической идеологии и практике.

Прошлое и настоящее: утраченные возможности

Как отмечалось выше, динамика исторического развития свидетельствует о существенном влиянии государства на промышленное освоение северных территорий и городов. В то же время следует отметить, что Советский Союз, прошедший за свою историю целый ряд радикальных поворотов, был крайне противоречивым феноменом, именно поэтому предлагается рассматривать его в динамике, а не как статичное целое (Кагарлицкий 2012). Жизнь в сталинский период (репрессии, ГУЛАГ, коллективизация, период Великой Отечественной войны и ее последствия) отличается от хрущевского периода 1960–1970-х гг., «золотого века» социализма в период правления Л.И. Брежнева и горбачевской перестройки конца 80-х гг. прошлого века. Даже на благополучном Севере уровень жизни жителей моногородов резко отличался от уровня жителей сел, где преимущественно проживало коренное население. Иными словами, восприятие населением советского прошлого «мозаично», оно различается в зависимости от места жизни и социального статуса человека, биографии семьи.

Воспоминания наших респондентов, участвующих в данном исследовании, преимущественно относятся к периоду 1970 — началу 1990-х гг. Именно в этот период индустриальное развитие новых городов сопровождается устойчивым притоком рабочих кадров благодаря поощрительным мероприятиям государства, обеспечивающим привлекательность работы на Севере в виде высокой оплаты труда, раннего выхода на пенсию, продолжительного отпуска, особого отношения к молодым специалистам, окончившим учебные заведения и приехавшим по распределению (табл. 1). К этому периоду силами политзаключенных создана производственная площадка (1930–1950 гг.) и выстроена инфраструктура города (1960–1970 гг.): детские сады, школы, магазины. Построены краеведческий музей, широкоэкранный кинотеатр «Север», «Дом культуры железнодорожников», ДК «Октябрь», дворец спорта «Шахтер» с плавательным бассейном и даже индустриальный техникум.

Если творческая интеллигенция Советского Союза испытывала трудности в профессиональной самореализации, то для рабочего класса их не было. Для жителей города советское прошлое ассоциируется с возможностями самореализации (выбора места работы, учебы, отдыха и места жительства), а также сопричастности в решении важных государственных проблем, в частности,

Численность населения по городам Республики Коми, тыс. чел

	1897	1939	1959	1970	1980	1990	2000	2010	2013
Воркута	-	-		185	195	217	169	110,6	88,0
Инта	-	-		61	66	70	59	36,4	32,3
Усинск	-	-			47	72	60	50,4	46,1
Сыктывкар	-	-		138	192	238	247	251,1	256,1
Республика Коми	171	319	816	964	1129	1265	1135	951,2	880,6

Источники: (Города и районы РК... 2010; Демографический ежегодник... 2013; Статистический ежегодник РК 2001).

в освоении северных территорий, что вызывало у них особое чувство гордости своей социальной значимостью в большой стране (Лыткина 2014: 11). Советская социальная политика сочетала различные методы поощрений жизни человека на Севере: материальное благополучие, социальный статус, интеграцию человека на уровне государства и локальности.

Высокие заработки позволяли тратить деньги на повседневные нужды и отдых. В отличие от большинства советского населения, жители города сами зарабатывали средства на приобретение жилья в более комфортной климатической зоне (на «материке»). Жизнь на Севере для интинцев становилась *долгосрочной вахтой* с возможностями профессиональной самореализации и получения высокого заработка, без отрыва от семьи и в условиях развитой инфраструктуры. Высокие заработки на Севере* соотносятся со справедливой системой оплаты труда, учитывающей тяжелые климатические условия проживания и работы, связанные с подрывом здоровья и риском для жизни, специфику отрасли, обуславливающую социально-экономическое развитие страны, в виде основного резерва, пополняющего государственную казну. Ниже приведем отрывки из интервью, свидетельствующие о тяжелых условиях труда и высоком уровне жизни жителей северных моногородов.

«Они же ходят по лезвию ножа. Он сегодня пошел на работу, а может не вернуться... Там обвал, там разные травмы. Метан, всякая пыль. За свою жизнь не знаю ни одного шахтера, чтоб не болел. У всех, у всех болезни. Постоянно срываются спины, антракоз, силикоз [профессиональные заболевания шахтеров — Т. Л.]» (муж).

«А я в минус 5 в Таллинне, хорошо. Балтика не замерзшая, пляж, м-м, песня. Ликерчик, кофе, все дела. Я говорю, Советский Союз, вспоминаешь, прелесть. Даже еще в 90-ых, когда на шахту устроился работать, было интересно. Я с армии пришел в 90-м, до декабря поработал, надоело. Устал... Думаю, дай-ка я что-нибудь замучу. Пришел, взял 5 дней отпуска за свой счет, у меня 2 дня отгула еще

* Согласно советской статистике, среднемесячная денежная заработная плата в топливно-энергетическом комплексе в 1988 г. составляла 318, 5 руб. (Народное хозяйство... 1990), многие респонденты называли суммы более чем в два с половиной раза выше.

было, неделя, на следующее утро на самолет, через 4 часа я в Адлере. И неделю в Сочи в декабре месяце. Плюс 16, хорошо, красное вино. Девчонки местные, замечательно. 58 рублей билет стоил при заработке в 700... Причем, до Москвы 27 рублей билет стоил на самолет. Утренним рейсом улетел, вечерним прилетел. Всё, пообедали в ресторане, пивка попили... Сумасшедших денег стоило блюдо супчик из черепах, целых 5 рублей 80 копеек. Бутылка водки 9 рублей стоила, а тут 5,80 стоил супчик из черепах. Эксклюзив» (муж.).

Хотя материальные стимулы на Севере занимали особое место, не менее важной составляющей жизни горожан являлся высокий статус рабочего-шахтера, покорителя Севера — человека могучего силой и духом: *«Раньше шахтеры — престижная профессия. Сейчас не престижная. Раньше шахтер — это человек был. Это сейчас ходят бедные шахтеры»* (муж.). В рамках пространства города это способствовало формированию территориальной общности, причем сохранялась сопричастность к гражданам Союза, государству, где статус «покорителя», «шахтера», по мнению респондентов, выравнивался (*«все были равны»*), а значимость денег снижалась: *«Деньги — это было не самое главное»*. Данные высказывания возможны при достойном уровне жизни, позволяющем осознавать, что помимо денег есть другие не менее важные жизненные ценности. А самое главное — выбор и возможности самореализации*:

«Романтика закончилась вместе с Советским Союзом и комсомолом. Как только макнули лицом в действительность, в зарабатывание денег, на этом романтика и закончилась. Когда все были равны, была романтика, тогда было интересно. Дома сидеть или в леса податься куда-нибудь, в геологическую партию или там в геодезическую. Вот особенно геодезические, очень интересная работа была. А сейчас-то что? Сейчас только деньги» (муж.).

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на достаточно высокий миграционный приток населения, новые горожане не нуждались в долгой социальной адаптации. Каждый новый житель быстро включался в трудовой коллектив и легко находил себе друзей. Именно трудовой коллектив являлся механизмом консолидации социальных сил в советский период. Через трудовой коллектив формировались не только трудовые отношения, но и повседневные практики взаимоотношений людей. Советская система усиливала роль межличностных контактов: ежедневно человек стремился стать «своим», достойным членом трудового коллектива. Социальное взаимодействие становилось смыслом жизни рабочего человека (Лыткина 2005; 2011). Считается, что «работа на советском предприятии» — это эпицентр распределительной системы (Bugarow 1996). С нашей точки зрения, предприятие также являлось ядром (основой) формирования социальных отношений. Трудовые практики взаимоотношений накладывались на социальное сообщество и определяли специфику социальных отношений города, что особенно актуально для монопрофильных малочисленных городов.

* Более подробный ретроспективный анализ с презентацией высказываний респондентов представлен в более ранней работе (Лыткина 2014), поэтому здесь мы ограничились кратким его содержанием.

В настоящее время северные города находятся в режиме социального исключения (Ярошенко 2004), под которым мы понимаем не только спектр ограничений / возможностей локальных рынков труда и государственной политики, обуславливающих социально-экономическое развитие локальности, но и сформированные жизненные стратегии и практики взаимодействий людей, определяющие социальную организацию жизни сообщества.

Оценка современной ситуации горожанами происходит в результате осознания сужающихся возможностей выбора жизненных стратегий, роста неудовлетворенности и снижения социального самочувствия населения в обмен на широкий выбор потребительских товаров. Разрозненность (разобщенность), озлобленность и недоверие начинают присутствовать в оценках людей при описании социальных отношений, в то время как в прошлом они гордились высоким уровнем культуры в городе и уважением друг другу.

Возможности самореализации людей оказались сведены к минимуму. Сегодня объемы доходов определяют социальный статус человека, а должность — стабильность позиции в социальной структуре общества. Если для жителей крупных российских городов становятся актуальными долгосрочные стратегии поведения, направленные на зарабатывание денег, профессиональную и должностную карьеру, то для жителей малых монопрофильных городов Севера характерны краткосрочные защитные стратегии (Лыткина 2005; 2011). При этом если еще 10 лет назад жизненные стратегии представляли диверсификацию индивидуальных (семейных) ресурсов, то сейчас происходит их свертывание. В результате советскому прошлому противопоставляется современная действительность, порождающая незнакомые ранее ощущения периферийности, чувства отдаленности от Центра, отрезанности от внешнего мира, социальной исключенности и ненужности.

Падение уровня жизни населения, недостаток рабочих мест, низкое качество услуг (транспортных, здравоохранения) оценивается как признак разрушения среды проживания. Восприятие реальности в качестве социально несправедливой и рост ностальгических настроений по советскому прошлому снижает уровень удовлетворенности населения, усугубляя отток наиболее квалифицированных специалистов в более благополучные регионы России. Молодежь, получившая образование в центральных вузах, не видя перспектив профессиональной самореализации в родном городе, стремится закрепиться по месту учебы или в другом городе. Инта стремительно стареет, увеличивая нагрузку расходов муниципалитета:

«Оставайся там [респондент рассказывает о старшей дочери, которой 25 лет, обучалась в Санкт-Петербурге, сейчас там живет и работает — Т. Л.]. Живи там. Потому что здесь делать нечего. Работы здесь нет. Куда ей идти здесь работать? Некуда... В Питере осталась.., а смысл ехать сюда? Здесь смысла нет. Остаться на Севере и особенно молодым. Вот сейчас кричат власти: вот надо молодым оставаться! За каким лешим им здесь оставаться? Здесь перспективы никакой нет» (жен.).

Осознается необходимость инвестиций в развитие локальности, неспособной уже сегодня самостоятельно генерировать доходы внутри территории.

В то же время примеры сотрудничества с предприятиями-варягами, зарегистрированными за пределами республики и ведущими производственную деятельность на территории северных городов, хорошо демонстрируют незаинтересованность руководителей предприятий в развитии территории, в том числе с точки зрения привлечения трудовых ресурсов на местах.

С каждым последующим годом происходит депрофессионализация и снижение уровня мотивации среди работников, в то время как у работодателя появляется серьезный аргумент в пользу дальнейшей политики привлечения дешевой рабочей силы «извне», в том числе использование и оправдание «вахтового» метода как наиболее экономичного и рационального метода по сравнению с «оседлой» моделью (Черепанов 1998; Нуйкина 2013). Взаимосвязь частных инвестиций и извлечение максимальной выгоды обоснованы рынком, но противоречат формированию долгосрочных стратегий развития территории. По сути, мы наблюдаем эффект бумеранга, отражающий отношение к местному населению в глубоких экономических преобразованиях страны. Если в период советской индустриализации из поля зрения социальной политики выпадали коренные жители республики*, то на этот раз в число «исключенных» попадают бывшие покорители Севера, которые становятся его заложниками. Сообщество небольшого северного города «закрывается». В отличие от советского периода, оно с недоверием относится к единичным случаям вновь прибывших семей, решившим устроить здесь свою жизнь. Особую социальную напряженность создают трудовые мигранты.

Практики взаимопомощи, сотрудничество и солидарность

Люди, лишённые возможности управлять жизненной ситуацией, начинают формировать стратегии выживания, не соответствующие и даже противоречащие рынку, снижая уровень потребностей и свертывая свои внутренние ресурсы (Лыткина 2011; 2005). Семейные доходы уходят на самые необходимые предметы повседневности: оплату коммунальных услуг, питание. Продукты питания покупаются оптом, а не в розницу. Подспорьем являются собранные осенью дары природы: грибы, ягоды. Одежда покупается строго по необходимости, а предметы длительного пользования служат до тех пор, пока не придут в негодность. Немногие смогли сделать ремонт в квартирах. Отдых у моря, неотделимый раньше от статуса покорителя Севера, нуждающегося в восстановлении жизненных сил для дальнейшей работы в сложных климатических условиях, ушел в далекое прошлое. Повезло тем, кто имеет родственников на юге:

«Родители у нас, имея троих детей, могли нас вывезти на море, хотя бы на две недели. Мои дети на море никогда не были» (жен.).

* Предлагая различные социальные пакеты поощрения работы на Севере людям «извне», государство практически не использовало трудовые ресурсы самой северной территории, интересы коренного населения оставались за пределами социальной политики. Коренное население должно было самостоятельно вписаться в предлагаемый индустриальный проект освоения Севера.

«На базе покупаем, потому что дешевле. Не одну курицу, не одну рыбу, а пласт, потому что она дешевле. На 20–30 рублей дешевле. Все везде, на всем экономим. Допустим, в поезде, я не могу позволить себе купе. Я еду плацкартом, всю жизнь. Потому что я не могу купить купе. Кому-то оно не дорого, мне дорого. Я не могу себе позволить». (жен).

«Я сейчас у ребят поспрашивал, просто так поспрашивал. У кого какая пенсия выходит. Извините 11–12 тысяч. На Севере всю жизнь проработал. Смешно. 5 000 нужно отдать за квартиру. Что остается?» (муж.).

Практики взаимопомощи. Все респонденты отметили, что (взаимо)помощь является неотъемлемой частью повседневного общения горожан. Помощь воспринимается как норма, как обязательное условие взаимодействия людей, как само собой разумеющееся человеческое общение. Социальные связи продолжают выполнять важные для человека функции: общение, возможность самоутвердиться в трудовом коллективе, повысить профессиональный уровень, найти высокодоходное место работы, подчеркнуть свою роль в семье, приобрести смысл жизни («найти себя»), наконец, решать повседневные проблемы, связанные с уходом за детьми, больными и животными. Социальные сети так же важны, как и раньше. Респонденты отмечали, насколько важно им осознавать себя социально значимыми членами общества. Социальные связи компенсируют утраченное общественное признание и материальные потери. Но они также все чаще начинают рассматриваться в качестве возможного ресурса извлечения частных выгод и все реже — для оказания поддержки «другому» или реализации общественного интереса. В то время как исключение из социальных сетей ведет к маргинализации.

Для двух третей респондентов помощь, независимо от получаемого объема, — это важная материальная составляющая в решении повседневных проблем семьи в виде денег, вещей, переданных по «наследству», или физического труда в виде услуг, которые в рыночных условиях коммерциализированы и имеют цену:

«Хоть, чем, хоть советом, хоть чем... С ребенком посидеть. Посидишь? Посижу. Вот это вот. Вот соседка.... Мы уезжаем. Посмотрите квартиру? Посмотрим. Чисто на таком, бытовом уровне. Взаимопомощь» (жен.).

«Денег надо, приходят. Скажем, сотрудница приходит. Ой, займи мне, столько-то только до зарплаты. Ну, на. Можно я тебе двумя частями. Ну, можно так. Как сможешь, так и отдашь» (жен.).

«Вещи отдаем. У меня дети выросли. Все вещи отнесла. Игрушки раздала девочкам. А что, у нас, у нянечек вообще мизерная заработная плата вообще. Вообще мизер. Как на это можно жить, я вообще не представляю. Отдавали вещи, обувь, какие-то игрушки. Что, девочки, надо — забирайте... Не продаем, отдаем» (жен.).

Респонденты, не нуждающиеся в материальной поддержке, также не отрицают важности помощи, но, отождествляя помощь с материальными издержками, отмечают: *«Мои друзья все состоявшиеся, в помощи не нуждаются, у них в основном все вопросы решены. Ну, допустим помощь с трудоустройством на*

сегодняшний день или в роли поручителя, или позвонить и сказать: да, это человек надежный, чисто такие вопросы» (муж.). Круг их взаимной поддержки выходит за пределы повседневного решения материальных проблем и затрагивает проблемы производственные, что, однако, позволяет укрепить межличностные отношения, т. е. сделать связи более плотными. Цель данной стратегии — зафиксировать социальные позиции в обществе, определив круг полезных социальных связей.

Сотрудничество. Осознание людьми моральной нормы «помощи» друг другу обусловлено одновременно социальным контекстом советского прошлого и резкой дифференциацией современного российского общества, признанием бесспорного превосходства привилегированных групп населения, обеспеченных важными социальными ресурсами: информацией, связями, знаниями, профессиональными навыками. В условиях неравных возможностей это вынуждает одни социальные группы ориентироваться на другие, что особенно выпукло проявилось в практиках сотрудничества, предполагающих совместное действие людей в организации какого-нибудь дела, например, в решении производственных задач. При этом участники обмена услугами воссоздают иерархизированную систему социальных отношений, (вос)производят практики неформальных трудовых отношений и выстраивают вертикаль власти, подрывая основания гражданской ответственности.

Ниже представлен отрывок интервью — яркое свидетельство увеличивающейся социальной дистанции, где каждая из сторон пытается контролировать стоимость своих услуг и степень своей значимости. Услуги не всегда оцениваются адекватно, в результате установленные договоренности нарушаются и, как следствие, в рамках закона «экономии сил» человек начинает избирательно подходить к социальным сетям и вступать во взаимодействие преимущественно с теми, кто способен обеспечить успех в обществе, стараясь извлечь моральную и / или материальную прибыль с минимальными издержками. Однако преодолеть зависимое положение не всегда удается:

«Ну как я — подчиненный и я в принципе не могу отказать, но я и не должен, например, это делать. Но мне это где-то... тоже выгодно, но не настолько, как руководителю. Я это понимаю. Я контролирую процесс, чтоб тоже не сделать больше, чем надо, хотя могу сделать лучше, но поскольку выгода всегда на стороне начальства, пусть оно получит столько, сколько нужно. Все сложно это. Подчиненность и где-то выгода... Ну, работаем, типа сотрудничаем. Но я так понимаю, все же сотрудничество — это равенство, а равенства-то не получается, сильному всегда хочется на себя одеяло перетянуть, несмотря на то, что и дивидендов он получит намного больше и потом еще 10 раз это использует» (муж.).

Прагматические интересы выходят за пределы межличностных отношений и распространяются на практики эксплуатации территории. Речь идет о «диком» туризме, распространенной практике выживания для местных жителей, имеющих необходимый транспорт для предоставления отдыха на природе. Разовые приработки отчасти решают материальные проблемы семьи, но не приносят доходов в бюджет города. Так, в отличие от успешного респондента, его

не очень успешный друг чувствует свою социальную уязвимость и не уверен в завтрашнем дне:

«Я уже Инту рассматриваю чисто как базу отдыха. То есть у меня есть здесь товарищ, который 100 % не выездной. У него нет недвижимости. Возможности выехать отсюда у него нет и не будет. У него нет ни родственников, ни под программу переселения он не попадает... К нему друзья наши интинцы с Подмосковья приезжают. Приезжаем, отдыхаем. Ему нравится природа, мы приезжаем, его заправляем за свои деньги, а он всегда рад нам предоставить транспорт и с нами съездить» (муж.).

Итак, очевидно, что на практике происходит (вос)производство структур социального неравенства, формирование замкнутых социальных групп с плотными социальными связями внутри них и разорванными по отношению к другим группам. Социальные группы начинают контролировать возможности доступа к ресурсам — начинает работать закон от Матфея «о богатстве и бедности».

Солидарность. Под солидарностью респонденты понимают активное участие единомышленников в решении частных и / или социальных проблем территории, связанное, как правило, с протестными настроениями. На протяжении 1990-х гг. работники угольной отрасли (в том числе жители изучаемого города) были главной движущей силой протестного движения, как в политическом, так и в экономическом смысле (Козина 2009). Снижение активности обусловлено рядом причин: утратой социальной значимости, ужесточением политического режима и одновременно происходящими процессами улучшения конъюнктуры. Исследователи отмечают, что общественное безразличие людей «отчасти» объясняется тем, что, по всеобщему убеждению, ни депутаты, ни партии не выполняют своих обещаний (так считают 75 % опрошенных). Кроме того, политики обвиняются людьми в том, что озабочены своими частными карьерными или материальными интересами (43 % в сентябре 2007 г.), не отвечают перед народом (27 %), представляют интересы только власти и крупных корпораций, а не простых людей (16 %), обманывают (15 %) (Гудков 2007; Клеман, Мирясова, Демидов 2010).

По убеждению М. Буравого, общество замкнулось «на себе» (Буравой 2003) и своих проблемах. По мнению респондентов, «Инта — это слишком маленький город» (муж.), чтобы население проявляло «ненужную» активность, провоцирующую конфликт с местными властями. Наконец, она утратила взаимосвязь с остальным обществом. Резкая дифференциация уровня жизни власти и населения, а также уровень недоверия делает невозможным сегодня постановку проблемы реализации согласованных действий различных групп по защите территорий. Самоуправление, которое декларируется на уровне государственной политики, в действительности не выгодно ни властям, ни бизнесу, ориентированному на максимальное извлечение прибыли без учета интересов проживающего на этой территории населения. Иными словами, государственная власть сегодня боится взрыва социальной напряженности и недооценивает положительные эффекты гражданской инициативы, что порождает, с одной

стороны, число недовольных, а, с другой, — пассивных, протест которых выражается в деструктивных практиках поведения.

Итак, что мы наблюдаем на уровне изучаемого города? Общественная активность населения низкая и существует в том виде, в котором была востребована советской системой, например, в виде структур, направленных на поддержание культуры народов, проживающих на территории муниципалитета. В то же время наблюдается рост недоверия к активистам. Одной из причин является использование штампов и презрительное осуждение «масс», что свойственно как чиновникам, так и активистам, не принимающим во внимание причин пассивного поведения населения, обусловленных условиями жизни и спецификой повседневных проблем, с которыми приходится им сталкиваться. Такое положение дел усиливает уже вышеупомянутые ощущения отчужденности и ненужности, и в результате население готово подтверждать свой статус пассивных, уверенных в своей неспособности изменить ситуацию:

«От нас ничего не зависит, всегда все решали в центре. И Великая Октябрьская не в каком-то “мухосранске” случилась, а в Питере, так что от нас ничего не зависит. А если мы даже с чем-то не согласны, то мы “анчоусы”. Мы анчоусы, вы слышали, как нас, потому что мы не вышли на Болотную, а почему мы их должны поддерживать? Они нас готовы поддержать? Им наплевать...» (муж.)

Другой причиной является то, что как активисты, так и чиновники часто преследуют исключительно прагматические интересы:

«Вы знаете, я политически неграмотный, но меня бесит, когда начинают что-то менять ради какого-то кандидата, потому что их любимый кандидат сейчас не прошел, потому что условия там какие-то были несправедливые. А эти условия, что сейчас появились, нет, раньше... но тебе нужно стало почему-то сейчас, а до этого, значит, пока он там был, тебе было наплевать, т. е. ты только для своего кандидата беспокоишься. Я тоже за честные выборы, я знаю, что они не честные, но вы сначала поборитесь за то, чтобы они проходили честно, до выборов..., а уж потом начинайте... может, это не совсем хороший пример, но я вижу тоже, как они в свою угоду... нечестно» (муж.).

Третья причина — отсутствие ответственности за последствия активистской деятельности. В качестве примера приводятся события вначале 1990-х гг. и переход страны к рынку, который не привел к достаточно легкой смене общественного устройства и не обеспечил высокого роста благосостояния населения, обещанного либералами. В результате ценности свободного рынка и западной демократии подорваны:

«Они реализуют свои интересы, им наплевать на народ, а мне нужна стабильность, и никто не гарантирует и, самое главное, не несет ответственности за то, что происходит после таких вот Болотных. Я думаю, они вообще не думают о последствиях, им лишь в очередной раз что-то сломать. Будет еще хуже, опять дальше выступать и ломать. Ломать — не делать, как говорил мой отец. Нужно, чтоб они несли за содеянное ответственность, чтоб отвечали за свои действия. Мы сломали уже одну систему — лучше не стало, хуже стало. Кстати, что они хотят, они же хотели рынок, вот он, получите и наслаждайтесь, что вы хотите сейчас?» (жен.).

Тем не менее, мы все же обнаружили пример солидарности в команде управленцев, заинтересованной в развитии территории. Данная солидарность не является протестной — ее можно назвать «созидающей». Пример солидарности показал, что команда может добиться высоких результатов за достаточно короткий промежуток времени. Однако ее эффективность в долгосрочной перспективе зависит от умения и желания работать с другими социальными группами. Работа единомышленников без привлечения населения не способствует формированию сплоченности сообщества и возникновению инициативы «снизу». Следовательно, обозначенные проблемы территории сохраняются.

Таким образом, стратегии взаимопомощи, сотрудничества, солидарности преимущественно являются производными стратегий выживания, не способствующими развитию территории, а, напротив, провоцирующими формирование постоянной бедности среди населения и дальнейшую эксплуатацию территории. Ограничение структур возможностей и резкая социальная дифференциация населения привели к переоценке людьми жизненных ценностей и своего места в обществе, обусловивших кризис идентичности. Постепенное привыкание к бедности, когда личные (индивидуальные) ресурсы остаются невостребованными, а уровень потребностей снижается, вряд ли может способствовать дальнейшему развитию территории и наращиванию конкурентоспособных качеств. Социальные связи, способствующие решению материальных проблем на уровне семьи, в условиях ограниченных возможностей лишь сильнее закручивают механизм эксплуатации территории (природных и трудовых ресурсов) — спасение утопающих становится делом рук самих утопающих (Лыткина 2008а; Лыткина 2012).

Признаками неэффективного использования социального потенциала являются отчуждение, институциональный вакуум, отсутствие общественного согласия и сложности с поддержанием социальных связей, полезных всему обществу. На уровне социальной политики упускается из виду жизненная необходимость формирования самодостаточной социокультурной общности в небольших городах и селах, где ограниченный рынок труда — это объективная реальность, как и потребность в социальных связях.

Литература

Буравой М. Великая инволюция: Реакция России на рынок // На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития. Сыктывкар: КНЦ, 2003. С. 13–55.

Города и районы РК. Социально-экономические показатели статистического сборника. Сыктывкар, 2010.

Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма. М.: Издательство Р. Элинина, 2007.

Демографический ежегодник Республики Коми. Статистический сборник. Сыктывкар, 2013.

Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис модернизация. М., 2010. [www.socpol.ru/publications/pdf/Regions_2010.pdf] Дата доступа: 01.10.2014.

Кагарлицкий Б. Загадка советского сфинкса // СССР: Жизнь после смерти / под ред. И.В. Глушеенко, Б.Ю. Кагарлицкого. М.: ВШЭ, 2012. С. 8–16.

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.

Козина И.М. Забастовки в современной России // Социологические исследования, 2009, 9, с. 12–24.

Колечков Д.В. Динамика производства валового муниципального продукта в Республике Коми // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. Сыктывкар. 2013. С. 58–67.

Кротов П.П. Симптомы «Голландской болезни», найдется ли лекарство? Возможности экономической стабилизации ресурсного региона // Республика Коми: власть, бизнес, политика. Социологические этюды. Сб. статей. Сыктывкар: Институт региональных социальных исследований, 1998. С. 8–30.

Лыткина Т.С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации. Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2005.

Лыткина Т.С. Социальное самочувствие и поведение сельских жителей Севера и Юга России (на примере республики Дагестан и Коми) // Россия и современный мир, 2008а, 2, с. 181–189.

Лыткина Т.С. Контроль над производством // Социальные режимы постсоветского производства / Отв. ред. В.И. Кабалина. Сыктывкар: КНЦ, 2008б. Гл. 4. С. 72–91.

Лыткина Т.С. Биография социального исключения // Журнал социологии и социальной антропологии, 2011, XIV (1), с. 87–110.

Лыткина Т.С. Социальный капитал в решении социальных проблем: практики солидарности бедных в Республике Коми // Журнал социологии и социальной антропологии, 2012, XV (3), с. 130–154.

Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014, 3 (19), с. 9–14.

Народное хозяйство СССР в 1989 г. Статистический ежегодник. М., 1990.

Нуйкина Е.В. Влияние вахтового метода на принимающие города Российского Севера (на примере г. Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013, 2 (14), с. 107–116.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

Попова Л.А. Терентьева М.А. Сравнительная характеристика динамики трудового потенциала регионов Северо-Западного федерального округа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2013, 5 (29), с. 98–111.

Статистический ежегодник РК. Статистический сборник. Сыктывкар, 2001.

Стыров М. Экстерриториальность финансового капитала промышленности: угрозы безопасности Севера России (по материалам Республики Коми) // Материалы VII Северного социально-экологического конгресса. М.: ООО «Первая Оперативная Типография», 2012. С. 302–307.

Черепанов Е.В. Особенности использования вахтового метода освоения и эксплуатации газовых месторождений: на примере Ямало-Ненецкого. Авт. окр. М.: Академия народного хозяйства при правительстве Российской Федерации, 1998.

Фаузер В.В. Негативный вектор миграции // Регион, 2011, 5, с. 36–39.

Фаузер В.В. Демографический потенциал Северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики // Арктика и Север, 2013, 10, с. 19–47.

Ярошенко С.С. Северное село в режиме социального исключения // Социологические исследования, 2004, 7, с. 71–83.

Лыткина Т.С. Социальный потенциал северного города...

Burawoy M. The State and Economic Involution: Russia through a Chinese Lens, *World Development*, 1996, 24(6), pp. 1105–1117.

Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia, *Ethnography*, 2000, 1(1), pp. 43–65.

Fraser N. Rethinking Recognition, *New Left Review*, 2000, 3, May-June, pp. 107–120. [<http://newleftreview.org/II/3/nancy-fraser-rethinking-recognition>] Дата доступа: 01.10.2014.